Когда ты вернёшься домой

Байканбек Садыков

Писатель и маркетолог

Байканбек Садыков

Когда ты вернёшься домой

«Автор»
2026

Садыков Б.

Когда ты вернёшься домой / Б. Садыков — «Автор», 2026

Анна мечтает стать учительницей. На свадьбе подруги она знакомится с Максимом, и они разговаривают до рассвета. Поженившись, молодые поселяются в доме его состоятельных родителей. При Максиме Анну встречают с улыбкой. Стоит ему уйти на работу, как ей напоминают о бедности её семьи и уговаривают оставить учёбу.Максим верит родителям, пока после дорожной аварии не остаётся дома и случайно не слышит, как мать разговаривает с Анной. Он наконец понимает, почему жена хотела уйти. Теперь ему предстоит вернуть её доверие, а Анне — решить, каким она хочет видеть их общий дом.

© Садыков Б., 2026
© Автор, 2026

Байканбек Садыков
Когда ты вернёшься домой

Глава 1

РОМАН О ЛЮБВИ
Когда ты вернёшься

домой
Байканбек Садыков
Писатель и маркетолог

Аннотация

Анна и Максим знакомятся на свадьбе друзей и разговаривают до рассвета. Она мечтает стать учительницей, он работает в семейной строительной компании. Когда они женятся, Максим предлагает пожить у его родителей. Он надеется, что, узнав Анну ближе, они её примут.

Стоит Максиму уехать на работу, и в доме с Анной разговаривают совсем иначе. Он верит родителям, пока дорожная авария не заставляет его надолго остаться дома. Чтобы снова доверять друг другу, Анне и Максиму предстоит решить, в каком доме они хотят жить и кого готовы в него впустить.

Даша вышла замуж в первую субботу сентября, в ту самую, на которую весь август обещали дождь. Дождя не было. К пяти часам в зале стало так тепло, что отец жениха снял пиджак и торжественно повесил его на спинку чужого стула. К семи остыли окна, на веранду вынесли пледы, и Анна Соколова, которой поручили следить, чтобы гости ничего не забыли, обнаружила в корзине среди пледов один мужской ботинок.

Она отнесла ботинок под стол с подарками. Когда вернулась, у дверей стоял маленький мальчик в белой рубашке и прижимал к груди деревянную машинку.

— Ты кого-то ищешь?

Он молча показал на сцену. Там ведущий проверял микрофон. От каждого его «раз» мальчик втягивал голову в плечи.

— Пойдём, я покажу, где потише.

Он недоверчиво взглянул на её руку. Анна просто пошла рядом. За дверью веранды начиналась дорожка, которая огибала здание. Под фонарями летали мошки, столики ещё пахли нагретым за день деревом. Мальчик сел на нижнюю ступеньку и поставил машинку между ними. Через минуту рассказал, что приехал с мамой, мама танцует, а машинку зовут «Пожар». Ещё через две появилась мать. Она искала сына с другой стороны и успела вспотеть в лёгкой куртке.

— Мы ждали, пока Пожар отдохнёт, — сказала Анна.

Мать села рядом с ними, расстегнула куртку и тоже посидела. Потом взяла мальчика за руку. Когда они ушли, Анна осталась на ступеньке. На колене отпечатался рисунок деревянной планки. Она провела по нему ладонью и подумала, что дальше всё может делать кто угодно. Она пришила Даше оборвавшуюся лямку, нашла нужный кабель для музыкантов, убедила жениха поесть до первого танца. Ей полагались пять минут.

— Если вы держите оборону, я могу сесть на другой ступеньке.

Она подняла голову. На веранде стоял человек, которого она уже дважды видела за вечер. Первый раз он помогал Паше вытащить из машины коробки с цветами, второй — танцевал со своей соседкой по столу, невысокой пожилой женщиной. Соседка всё время наступала ему на ноги. Он держал её руку чуть выше обычного, чтобы ей удобнее было опираться.

Сейчас на нём был тёмный костюм без галстука. В одной руке он держал два стакана с водой. Один поставил на ступеньку, к которой Анна могла дотянуться, и сел на край веранды.

— Максим, — сказал он.

— Анна.

— Я знаю. Даша два раза просила передать, что без тебя она бы поженилась в носках. Первый раз не понял, как это возможно. Потом увидел, кто нашёл ботинок.

— Ботинок мужской.

— Значит, за вечер уже спасены оба.

Анна отпила воды. Она была без газа и такой холодной, что заломило зубы. В зале в это время заиграла песня, под которую Даша в общежитии сушила волосы. Они жили в одной комнате полтора года. Даша сушила волосы задолго до первой пары и считала, что это единственный способ разбудить соседку к восьми. Анна узнала первые три ноты и потянулась проверить телефон. Даша написала, что всё хорошо. Через несколько секунд добавила, что уже нашла собственный ботинок и впервые за день села.

— Ты со стороны Паши? — спросила Анна.

— Мы познакомились на практике. Нас послали обмерять школьный спортзал. Паша два раза забрал домой рулетку, и мне два раза пришлось ехать за ней через весь город. На третий раз я поехал за ним самим. С тех пор дружим.

— И что вы делаете теперь?

— Он проектирует. Я чаще говорю с людьми, которые хотят, чтобы мы закончили вчера. Приходится объяснять, сколько ещё понадобится времени.

— Умеешь?

— Днём лучше, чем вечером. Вечером мне самому хочется, чтобы всё уже закончилось.

Анна засмеялась. Максим посмотрел в окно, откуда на дорожку падало жёлтое пятно, и спросил, хочет ли она уйти чуть дальше. Можно было пройти вокруг пруда и вернуться к торту. Анна посмотрела на свои туфли. Даша уговорила её купить их для свадьбы со скидкой. К полуночи стало ясно, почему магазин так охотно расстался с последней парой. Она сняла туфли и взяла за ремешки.

— По траве можно, — сказала она. — Если до пруда действительно дойдём.

— Там ещё мостик есть. Если доски холодные, я понесу туфли.

— Договорились. Ноги я понесу сама.

Парк принадлежал городу. Зал, где играли свадьбу, снимали в бывшем павильоне проката. По другой стороне пруда ещё гуляли люди с собаками. Вода пахла тиной и заваренным чаем из киоска, который закрыли ровно в десять. Анна шла по краю дорожки. Максим обошёл её, когда пришлось пропустить велосипедиста, и обратно встал на ту же сторону. Она заметила, что он каждый раз оставляет ей полосу травы.

На мостике они остановились. Ветер выдул из пруда остатки тёплого воздуха. Снизу стучали о деревянную опору короткие волны. Максим поставил стакан на перила и сказал, что Паша позвонил ему первым, когда решил делать предложение. Он ожидал вопроса про кольцо. Паша спросил, умеет ли он готовить гречку. Даша тогда сдала экзамен и в тот же день потеряла ключи. Жениху захотелось, чтобы она хотя бы села поесть.

— Через месяц она нашла ключи в морозилке, — сказала Анна.

— Про это он мне уже не говорил.

— Он их сам туда положил. Принёс продукты и забыл вытащить из пакета.

Максим рассмеялся так громко, что на другой стороне моста собака от неожиданности перестала лаять. Затем спросил, как Анна познакомилась с Дашей. Она рассказала про общежитие и окно, которое вдвоём вымыли в первый день, хотя обе боялись сесть на подоконник. С улицы открывалась стена соседнего корпуса. Чистое стекло делало её чуть светлее. Даша придумала вешать на стену изнутри листы с расписанием, чтобы видеть, как много впереди времени.

— И кем вы обе хотели стать? — спросил Максим.

— Она уже стала. Работает в саду. Я хочу в начальную школу. Сейчас собираюсь восстановиться на заочном. Уходила, когда у мамы долго не работала рука и надо было содержать дом.

Он не стал спрашивать, почему у матери не работала рука. Спросил, почему Анна хочет учить маленьких. Об этом у неё имелся красивый, короткий ответ для приёмной комиссии. Она приготовила его в автобусе и с тех пор повторяла так часто, что могла произнести наизусть на полувдохе. На мостике ей захотелось вспомнить другую историю.

— В третьем классе я два месяца писала букву «д» неправильно. Мне казалось, у неё есть ножка и хвост, и всё время рисовала хвост в другую сторону. Учительница однажды позвала меня после урока. Я решила, что буду переписывать полтетради. А она достала какую-то старую записку своей дочки. Там была ровно такая же «д», как у меня. Сказала, что рука запоминает медленнее головы и что завтра она покажет мне одно движение. Я запомнила прежде всего, как сидела рядом с ней у окна и перестала бояться поднять руку. Хочется уметь делать такое с другими.

Максим не сразу ответил. Он снял со спинки моста сухой лист и опустил его на воду. Лист поплыл ребром.

— У меня учитель труда так умел, — сказал он. — Я ему как-то сделал полку на пять сантиметров короче, чем нужно. Он привёл меня в кабинет и показал место, куда ему как раз не хватало короткой. Только потом объяснил, как отмерять. Полка, может, до сих пор там. У неё левый угол завален.

Анна прислонилась локтями к перилам. Ей нравилось, что у него нашлась собственная история. Он не стал заверять её, что она обязательно поступит, что у матери всё наладится и что ему легко помочь. Человеку, который впервые её увидел, оказалось достаточно выслушать. На другом берегу девочка с собакой включила фонарик. Маленькая точка света прошла вдоль воды и погасла.

Они всё-таки вернулись к торту. Даша увидела их из-за плеча жениха и сначала кивнула Анне, потом начала кивать ещё раз, слишком широко, чтобы это сошло за случайность. Анна

отвернулась, сделав вид, что разыскивает свою сумку. Максим принёс две тарелки и отыскал вилки. Торт был белый с малиной. Они ели стоя у двери, где уже тянуло ночным воздухом.

Потом музыка стала тише. Кто-то нашёл потерянный ботинок, кто-то попросил повторить первый танец. Анна села у входа и стала застёгивать ремешки. Максим принёс её сумку. Даша отдала остаток торта в картонной коробке и шепнула подруге, что та вправе уходить когда захочет. «Я замужем, со мной уже ничего нельзя сделать». Анна обняла её, забрала коробку и вынесла на веранду. Максим ждал там, придерживая открытую дверь локтем.

— У тебя такси? — спросил он.

— Могу дождаться первого автобуса. На этой стороне открывается кофейня.

— Могу проводить до кофейни.

— Сейчас?

— Когда захочешь идти.

Они просидели на веранде до рассвета. В какой-то момент официантка вышла за пледами. Увидев их, оставила два. Максим накинул свой на колени и рассказывал, как однажды всю зиму ездил учиться с одним наушником, потому что второе ухо мёрзло даже под шапкой. Анна рассказала, как её младший брат Денис сделал в школе скворечник, а дома обнаружил, что не предусмотрел входа. Темы иссякали и появлялись снова. Никто не пытался заполнить каждую паузу. После трёх ночи над прудом стало светлее, хотя часы говорили, что рано. Потом послышался грузовик. Сменщик приехал за пустыми ящиками и принял их за двух сотрудников, которых оставили ждать.

Утром в кофейне свободными были все столики. Максим взял кофе, Анна — чай с лимоном. Торт в коробке накренился на бок. Она разрезала оставшийся кусок пластиковой ложкой и спросила, куда ему ехать. Он назвал станцию, которая находилась в другой стороне от её дома. Оказалось, он оставил машину у павильона ещё с вечера. Ему предстояло возвращаться.

— Ты мог сказать раньше, — сказала Анна.

— Я знал, куда иду.

Она размешала лимон. Ложка в чашке звякнула. Максим попросил её номер, записал и тут же убрал телефон в карман. Это тоже ей понравилось. Потом они вышли и простояли вместе, пока на остановке не показался её автобус. Анна села у окна. Максим отступил на полшага, чтобы она увидела его мимо стойки остановки, и поднял пустую ладонь.

Уже возле дома она получила первое сообщение.

«Напиши, когда вернёшься домой».

Она стояла перед дверью квартиры, держа коробку, сумку и туфли, которые снова сняла на лестнице. Можно было сначала войти, поставить всё на пол, вымыть руки. Она ответила сразу.

«Уже вернулась. Торт доехал хуже меня».

• • •

К понедельнику торт исчез. В коробке Анна обнаружила тонкий деревянный нож и записку Даши, на которой та накануне тренировалась писать новую фамилию. В первой строке она потеряла одну букву, во второй добавила две лишние. Последнюю, правильную, обвела. Анна прикрепила записку к холодильнику. По утрам перед работой она читала её, пока ждала, когда закипит чайник.

Комната, которую Анна снимала у Марии Фёдоровны, помещалась в конце длинного коридора. Вторая половина коридора принадлежала двум складным велосипедам и шкафу с банками. За холодильником проходила труба, которая шумела при каждом мытье посуды этажом выше. По этому шуму Анна знала, что в половине седьмого сосед варит овсянку. Раньше они с Дашей пытались угадать, когда он уезжает, и один раз даже столкнулись с ним у подъезда. Сосед оказался женщиной в спортивном костюме. Она гуляла перед завтраком и кормила во дворе собак.

Анна платила за комнату пятнадцатого. В эту неделю до пятнадцатого оставалось четыре дня. На кухонной полке лежал конверт, в который она сложила деньги ещё в августе. Рядом она прятала второй конверт, потоньше, для восстановления в институте. Её готовы были принять на заочное отделение с ноября. Потребовались справки, копии, заявление и оплаченный первый срок. Анна пересчитывала конверт всякий раз, когда доставала первый. Ей оставалось заработать сумму, равную трём длинным сменам в копировальном центре.

В копировальном центре пахло бумагой, горячим пластиком и порошком, которым отмывали пол. Каждый понедельник туда приходила женщина с одним и тем же листом. Она делала копию объявления о пропавшем попугае и крепила к уцелевшим столбам. Попугай пропал весной. У фотографии выцвела нижняя половина. Анна предложила женщине найти исходный снимок и набрать текст заново. Женщина обрадовалась, полезла в сумку и вытащила маленькую пластиковую рамку. В ней попугай сидел на плече у мужчины в майке. Когда Анна помогла отсканировать снимок, женщина попросила две лишние копии, чтобы одна осталась дома. Была у неё привычка по нескольку раз в день проверять, на месте ли фотография. Анна сделала три и вложила их в прозрачный файл.

В обеденное время Максим спросил, когда она свободна. Анна написала, что сегодня кончает в девять, завтра тоже, а послезавтра освободится только в десять. Он ответил: «Дождусь девяти». Она спросила, где. «За углом, если ты разрешишь». Через минуту прислал ещё одно сообщение, фотографию большого пакета с надписью «Корм для птиц». Анна знала, что в парке запрещают бросать хлеб в воду. Они говорили об этом в субботу. Он собирался принести корм для уток и забыл, куда его положил. Теперь нашёл пакет в багажнике под мокрым пледом. Ей понравилось, что он прислал фотографию. Слова о встрече благодаря ей перестали выглядеть обещанием, которое надо принять или отклонить прямо посреди смены.

После восьми в центре сломался переплётчик. Его рычаг поднялся только до половины, а остальная часть механизма с тихим хрустом проглотила пружину от чужого диплома. Студентка в зелёной куртке стояла перед Анной и твердила, что завтра ей надо быть с работой на кафедре ровно в восемь. Анна попробовала снять пружину руками, порвала два отверстия и остановилась. Потом нашла упаковку чёрных зажимов, распечатала заново последние листы и позвонила в соседнюю точку, где её бывший коллега закрывался на полчаса позже. Он согласился переплести папку, если студентка придёт сразу. Анна сложила распечатку, нарисовала маршрут на обрезке картона и отправила девушку с двумя скрепками на случай, если папка раскроется по дороге.

Когда она заперла дверь, было девять двадцать пять. У фонаря лежали три мокрых дубовых листа. На скамье за углом сидел Максим и держал пакет с чем-то тёплым. Он поднялся, когда увидел её. Оказалось, в пакете две печёные картофелины в фольге. Он попросил продавца выдать их без соуса, потому что помнил, что ночью на свадьбе она отодвинула соус к краю тарелки.

— Я подумала, ты уйдёшь, — сказала Анна.

— Сначала дошёл до конца улицы, потом обратно. Увидел, что у тебя свет.

Он подал ей горячий пакет и спросил, что случилось. Она рассказала про пружину и диплом. Максим выслушал и посмотрел на вывеску, где красным светилось слово «КОПИИ».

— У нас на объектах половина людей делает вид, что умеет чинить машины, — сказал он. — Я тоже. В другой раз приду и сделаю вид при тебе. Может, сработает.

— У нас хозяин делает вид за всех. Он записал видео, как тянуть рычаг. Рычаг у него никогда не заедает, потому что он нажимает его один раз перед съёмкой.

Они сели есть картошку на низкий парапет. Анна обожгла губу и тут же соврала, что картошка чуть тёплая. Максим молча протянул ей бутылку воды. Внизу по улице шёл автобус. Когда он проехал мимо, воздух над дорогой снова стал слышен. Мокрая листва шуршала у бордюра.

— Ты завтра тоже ждать будешь? — спросила она.

— Если скажешь, что можно. Три раза подряд ждать без разрешения уже странно.

— Завтра позвони. У меня перерыв в половине седьмого. А в четверг я не работаю до двух.

Он записал четверг в календарь. Анна успела увидеть несколько серых строк и один большой прямоугольник с надписью «ПЕРЕНОС». Максим хотел убрать телефон, потом повернул его обратно к ней. Показал, где окажется утром, во сколько сможет освободиться, и спросил, хватит ли ей часа на прогулку. Ей хватало. Она встала, выбросила остывшую фольгу и взялась за сумку. Максим проводил её до метро. У входа спросил, можно ли обнять. Анна удивилась, что вопрос так легко решается. Сама потянула его за рукав. От него пахло улицей и чуть-чуть корицей. В кофейне он пил кофе с корицей и пытался объяснить, что это остаток привычки с первого курса. Теперь ей захотелось, чтобы запах остался подольше.

Дома Мария Фёдоровна встретила её в коридоре с пакетом слив.

— Бери сейчас. Если убрать в холодильник, опять забуду, за чем в магазин ходила.

Анна взяла четыре сливы. Одну сразу положила на блюдце хозяйки. В комнате достала из ящика заявление в институт, нашла верхнюю строку, где требовалось указать телефон, и вписала его. У неё оставалось ещё две смены. Срок подачи она могла выдержать. Когда за стеной включили телевизор, Анна позвонила матери.

Нина Павловна жила в Орехово-Зуеве, в квартире с видом на пустырь и стену кирпичной бани. Осенью с пустыря приносило запах мокрой полыни. Телефон мать брала на кухне и всегда прибавляла громкость, хотя прекрасно слышала. После долгой болезни рука у неё сгибалась уже почти полностью. Она делала всё так, как привыкла, только пакеты просила развязывать Дениса. Денис учился на электрика и на прошлой неделе получил первую оплату за ремонт настольной лампы. Денег было ровно столько, сколько он потратил на пирожки по дороге домой.

— Заявление завтра отвезу, — сказала Анна.

— Сама посчитала?

— Два дня поработаю, и хватит. Посчитала.

— Я могу отложить с подшива. У меня заказ на три пары брюк.

— Отложи себе. У тебя на машинке педаль заедает.

Мать сказала, что уже разобралась с педалью, а потом призналась, что прижала провод книгой. Анна попросила не включать машинку, пока Денис не посмотрит соединение, и услышала за дверью, как хозяйка квартиры уронила крышку от кастрюли. Она села на кровать, спрятала босые ступни под одеяло и неожиданно сказала, что на Дашиной свадьбе познакомилась с человеком.

Мать помолчала, пока Анна думала, что можно ещё рассказать. Потом спросила, был ли он в числе тех, кто забыл обувь. Анна сказала, что нет. Про то, что он ждал её с картошкой, всё-таки рассказала. Нина Павловна выслушала и посоветовала в следующий раз узнать, кто он такой, пока картошка ещё горячая. В конце попросила всё-таки проверить, когда заканчивается срок подачи заявления. Анна пообещала. На холодильнике в кухне висел пробный автограф Даши. В своей комнате она сложила документы и перевязала папку двумя резинками, чтобы, если утром порвётся одна, оставалась вторая.

• • •

В четверг они встретились на набережной. На скамейке возле воды лежало стеклянное яблоко, прозрачное, с отбитым черешком. Максим принял его за настоящее, потянулся и отдёрнул руку. Анна всё-таки подняла яблоко. Оно было холодным снизу и тёплым сверху, где на него с утра падало солнце. Она переставила его на дальний угол скамейки, чтобы оно не скатилось. Потом села рядом и посмотрела, как Максим вытаскивает из рюкзака свёрток с хлебом, два помидора и нож в картонном чехле.

— У нас обед? — спросила она.

— У нас обещанный час. Можем потратить его на хлеб или на что-то ещё.

— Хлеб уже достал. Придётся начать.

Над ними шумело дерево, на ветках которого ещё держались все листья. Анна положила на колени салфетку. Максим разрезал помидор, сок потёк по пальцам, и она протянула вторую салфетку. На другом берегу к воде шла женщина с длинной связкой ключей. Вдоль парапета стояли пожилые рыбаки. Первый закинул леску, второй принялся рассказывать третьему, куда попадает крючок при таком ветре. Третий был уверен, что знает лучше. Из разговоров Анна различала только число пять. Она подумала, что в городе редко удаётся вычленить столько отдельных голосов и при этом успеть услышать воду.

— Ты принесла заявление? — спросил Максим.

— Вчера. Приняли копии, деньги можно перевести позже. Надо ещё купить учебники, часть найду в библиотеке.

— Ты рада?

Анна ожидала вопроса про деньги. Сумму она умела объяснять быстро, когда спрашивали без подготовки. Вопрос про радость заставил её посмотреть на свои руки. Утром, когда ей дали расписку, она вышла во двор института, увидела ряд одинаковых окон и впервые поверила, что снова сможет сидеть за одним из них. Больше всего хотелось пойти и купить тетрадь, хотя тетрадей у неё дома хватало.

— Рада. Стояла там и всё думала, что дверь вахтёрша может закрыть, если я сейчас выйду.

— Закрыла?

— Я зашла ещё раз и спросила, до скольких работает библиотека. Дверь была открыта.

Максим кивнул. Он ел хлеб так, как будто ему действительно нужно было пообедать, без оглядки на них обоих. Анне нравилось смотреть на человека, который ест при ней с удовольствием. С мамой дома тоже так было. Они могли разговаривать о протекающем потолке и соскребать ложкой запёкшуюся картошку со дна сковороды. Максим сложил половинку помидора на хлеб. В этот момент позвонил его отец.

Телефон Максим взял не сразу. Сказал в трубку, что полдень он просил оставить свободным. Выслушал ответ. Объяснил, что на месте будет к двум, если на мосту свободно. Повторил дважды. Когда отключился, убрал телефон в рюкзак и слегка отодвинул рюкзак от себя.

— У вас семейная фирма? — спросила Анна.

— Да. Отец начинал с ремонта подъездов. Сейчас мы строим жилые дома и ведём несколько больших площадок. Он помнит, на какой площадке кто в первый день пришёл без каски. Если человек до сих пор у нас работает, помнит и почему. В советах по телефону ему с тех пор трудно остановиться.

— Он тобой командует?

Максим взглянул на неё и усмехнулся. С Пашей он мог час спорить о плите перекрытия и не сказать ни слова о том, что утром отец требовал заменить мастера до обеда. С Анной ему почему-то захотелось ответить с первого раза.

— Иногда. По делу чаще, чем я хотел бы признать. Остальное по привычке. Если я заранее скажу, что свободен только к двум, ему надо проверить, точно ли я сам решил про два.

Она спросила, что будет, если ему позвонят ещё раз. Он сказал, что тогда в самом деле поедет к двум. С другой стороны пруда, на свадьбе, он ответил бы быстрее. Сегодня ей было хорошо, что он сначала посмотрел на воду, словно проверял, успеет ли договорить. Она поинтересовалась, есть ли у него план на их час. Максим кивнул на лестницу, которая вела к нижнему ярусу набережной. Там было тише. Когда они спустились, вода оказалась почти на уровне глаз. Можно было разглядеть, как под волной скользит грязно-зелёный свет.

Анна показала ему дорогу мимо лодочной станции, где она иногда ходила после занятий ещё в первый год. Максим спросил, с кем она здесь гуляла. Она назвала Дашу и вспомнила, что тогда обе старались ездить на автобусе до института по одному и тому же маршруту, чтобы хотя бы полчаса сидеть рядом. Однажды, когда приехала Нина Павловна, она догнала автобус на следующей остановке, потому что оставила дома адрес дочери. Всю дорогу мама везла с собой банку тушёной капусты. Анна смеялась над ней, когда открывала дверь общежития. Позже она сварила к капусте картошку и поставила миску у окна. Запах остался на кухне до следующего утра. Даша поднялась раньше и успела съесть половину.

— Кажется, в этом доме всегда кого-нибудь кормят, — сказал Максим.

— Там иногда нечем. Тогда разговариваем о том, что будем есть в пятницу.

Он повернул голову. Она произнесла это спокойно, без намерения вызвать жалость. В последние два года Нина Павловна порой приносила домой один пакет, Анна прикидывала, на сколько их хватит, и они договаривались, что купят на следующей неделе. День, когда можно пожарить рыбу, в таких разговорах понемногу становился праздником. Анна думала, что Максим предложит ей больше не думать о таких вещах. Он вместо этого спросил, кто дома выбирает рыбу.

— Мама. Я всё время беру одну и ту же. Ещё Денис выбирает пирожки, даже если его просили принести молоко.

— Можешь меня научить брать рыбу. У нас отец покупал с запасом, и у меня в детстве было ощущение, что в магазине вообще все покупают по две. Я потом переехал и обнаружил, что одну даже пожарить толком не умею.

Анна улыбнулась. Они обошли каменную тумбу и увидели, что вдоль стены набережной устроено несколько низких сидений. На одном мальчик лет восьми рисовал мелом. Рядом лежал красный мяч. Как только Анна с Максимом подошли, мяч покатился вниз. Максим успел остановить его ногой у самой воды. Мальчик подбежал, хотел схватить мяч и передумал. Анна заметила, что он пытается понять, можно ли теперь занять собой пространство между двумя взрослыми. Она отступила к стене и махнула, показывая свободное место. Максим подал мяч. Мальчик поблагодарил, поставил его за спину и спросил, похож ли нарисованный на камне парус на настоящий.

Анна присела. Парус занимал почти всю поверхность камня. Под ним короткой линией обозначена лодка.

— Как думаешь, где тут ветер?

Мальчик показал пальцем на угол. Она сказала, что ветер вполне может идти оттуда, и спросила, почему лодка такая маленькая. Он ответил, что лодка уже далеко. Через несколько минут у паруса появился второй, а к ним подошёл мужчина с собачьим поводком. Мальчик сунул мел в карман и убежал к нему. Взрослый громко поблагодарил обоих, потом остановился, чтобы вместе с мальчиком забрать мяч. Анна выпрямилась и увидела, что Максим всё это время держал рюкзак перед собой, чтобы ремнём не стереть рисунок.

— Я бы первым делом спросил, чего это лодку так занесло, — сказал он.

— Тогда он бы решил, что нарисовал её неправильно.

— А ты со всеми так разговариваешь?

Анна хотела сказать, что с ним не будет. Потом поняла, что уже несколько минут ждёт, пока он сам скажет, чего хочет. При первой встрече они легко выдерживали паузы. Сейчас каждая пауза казалась чуть более важной. Максим встал рядом, но между ними оставалось свободное место. Она спросила, сколько времени осталось. Он посмотрел на часы и ответил, что семнадцать минут.

— Пройдём их до лестницы, — предложил он.

— Можно немного постоять.

Они постояли. С лестницы спустилась женщина в красном дождевике и повернула вдоль стены. Когда она прошла, Максим спросил, можно ли взять Анну за руку. Она сняла салфетку, которую всё ещё держала после обеда, и протянула руку. Ладонь у него была шершавой у основания большого пальца. Она вцепилась сильнее, чем собиралась. Он ничего об этом не сказал, просто перестал двигать рюкзак с плеча на плечо.

Позже Анна не смогла точно сказать, кто приблизился первым. Она помнила, как Максим сдвинул голову, чтобы ей не мешала прядь волос, и как сама зацепилась пальцем за его воротник. Поцелуй был коротким. Разойдясь, они оба посмотрели на воду, словно там случилось то, о чём теперь надо поговорить. Максим первый рассмеялся. Он сказал, что за оставшиеся минуты успеет подняться до улицы, но придётся идти быстро. Анна поцеловала его ещё раз. Теперь он опоздал бы, даже если бы побежал по лестнице через две ступени.

У перекрёстка она свернула к работе, а он пошёл в другую сторону. Через десять минут Максим позвонил и сказал, что всё равно доедет к двум, потому что неожиданно свободна дорога. Анна спросила, имеет ли значение, во сколько он доедет. Максим ответил, что сейчас имеет значение только то, что завтра он может снова встретиться, если у неё будет перерыв. Анна сверилась с расписанием. Завтра перерыв предстоял короткий, между заказом визиток и привозом бумаги. Она согласилась. В рабочем блокноте возле числа сорок, обозначавшего количество визиток, она нарисовала маленькую лодку. Лодка была далеко, и поэтому парус пришлось сделать во весь лист.

• • •

У Виктора Сергеевича Лаврова был большой кабинет с двумя часами. Настенные шли точно. Маленькие, настольные, отставали на восемь минут, но Виктор Сергеевич никогда их не переводил. Говорил, что если долго смотришь на настенные, то начинаешь ждать конца совещания, а если на маленькие, кажется, будто успеваешь сказать что-то ещё.

Максим застал отца без пиджака, над раскрытой папкой. В папке лежали планы переделки здания возле старого железнодорожного полотна. Там хотели открыть учебный центр с мастерскими. На плане архитектора вход в мастерскую выходил прямо к тротуару. Снаружи выяснилось, что между тротуаром и дверью перепад почти в полметра. Предлагалось сделать широкую лестницу, сверху залить площадку и пустить сбоку пандус, который съедал половину проезда для фур.

— Вот поэтому я просил тебя приехать к часу, — сказал отец. — Они сейчас сядут и будут голосовать, чья ошибка. Вход от голосования не опустится.

Максим выложил свои снимки. У здания был второй проём, выходивший во двор. Если перенести в него дверной блок и немного изменить расположение двух классов, большая часть переделки происходила внутри. Он уже говорил с мастером. Тот выяснил, что три ряда кирпича, мешавшие широкому проходу, выложили намного позже стены.

— Заказчик настаивает на первом входе, — сказал Виктор Сергеевич.

— Потому что там вывеска. Вывеску можно оставить. Указатель поставим рядом, и от тротуара будет видно дверь.

Отец сдвинул верхний снимок и сравнил два плана. Он умел рассматривать их долго и в конце задавать вопрос, который следовало задавать первым. Теперь спросил, сколько детей будет в классе слева от нового входа. Максим ответил. Виктор Сергеевич пересчитал на пальцах и прикинул, влезут ли все вместе с преподавателем в тамбур, если на улице дождь. Потребовалось расширить тамбур ещё на двадцать сантиметров. Они вместе измерили линейкой, куда уйдут сантиметры. После этого отец взял карандаш и обвёл вторую дверь.

— Позвони Паше. Пусть покажет эту схему от своего имени. Ты расскажешь, что с кладкой. Если их начнёт интересовать, кого наказывать за перепад, скажи, что виновного мы уже выбрали. Меня. Мне всё равно ещё стоять здесь у карты.

Максим усмехнулся. Ему нравилось работать с отцом в такие минуты. Тот мог всех перебить и дать указание, по которому через неделю пришлось бы переделывать половину этажа. А мог дождаться, пока молодой мастер закончит объяснять, почему у стены нельзя поставить даже чайник, и при всех признать, что ошибался. За пределами работы второе с ним случалось значительно реже. Максим давно научился принимать готовность отца выслушать за более широкое свойство характера. Он ещё не думал о том, что с домашними отец ведёт себя так, как на совещании, где считает вопрос давно решённым.

В проходной им встретилась администратор с корзиной яблок. Вчера её дочь поступила в музыкальную школу. Виктор Сергеевич узнал об этом до Максима, спросил, сколько лет ребёнку, и попросил передать поздравления. Яблоко взял самое маленькое. Когда женщина отошла, сунул его сыну и сказал, чтобы тот хотя бы что-то съел до вечернего звонка.

— Мама спрашивает, ты будешь в воскресенье. Я сказал, что будет видно. Она сказала, что в воскресенье приедут Мельниковы и чтобы я узнал точно.

— К нам домой или к ним?

— К нам. У матери где-то есть список, кого приглашали на первый обед в этом доме. Она его до сих пор достаёт, когда надо решить, кто будет сидеть рядом.

Дом Лавровых стоял в тихом переулке на западе Москвы, за стеной, из-за которой с улицы были видны верхушки двух лип. Виктор Сергеевич выкупил участок и построил дом, когда Максиму было одиннадцать. В первый вечер они ели там на коробках. Ирина Андреевна выложила из сумки три тарелки и обнаружила, что четвёртую оставили в старой квартире. Отец дважды сходил к машине за недостающими вещами, пока не выяснилось, что на тарелку претендовал приехавший поздравить их сосед. Ему отдали крышку от контейнера. Ирина Андреевна потом долго вспоминала этот вечер как самый счастливый обед в новом доме. С годами ей стало важно, чтобы тарелок всегда было больше, чем гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.